

**Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература» представляет
книги Екатерины Вильмонт:**

- Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры
- Полоса везения, или Все мужики козлы
- Три полуграции, или Немного о любви
в конце тысячелетия
- Хочу бабу на роликах!
- Плевать на все с гигантской секвойи. Умер-шмумер
- Нашла себе блондина!
- Проверим на вшивость господина адвоката
- перевозбуждение примитивной личности
- Курица в полете
- Здравствуй, груздь!
- Гормон счастья и прочие глупости
- Бред сивого кобеля
- Зеленые холмы Калифорнии. Кино и немцы!
- Два зайца, три сосны
- Фиг с ним, с мавром!
- Зюзюка, или Как важно быть рыжей
- Крутая дамочка, или Нежнее чем польская панна
- Подсолнухи зимой (Крутая дамочка-2)
- Цыц!
- Девственная селедка
- Мимолетности, или Подумаешь бином Ньютона!
- Артистка, блин!
- Танцы с Варезкой
- Девочка с перчиками
- Шалый малый
- Трепетный трепач
- Прощайте, колибри! Хочу к воробьям!
- У меня живет жирафа
- Черте-те что и сбоку бантик
- Интеллигент и две Риты
- Со всей дури!
- Дети Галактики, или Чепуха на постном масле
- Фиг ли нам, красивым дамам!
- Сплошная лебедянь!
- А я дура пятая!
- Вафли по-шпионски

Екатерина
Кульков
Кино и немцы!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Дизайн — Екатерина Фerez

Вильмонт, Екатерина Николаевна.

В46 Кино и немцы! / Екатерина Вильмонт. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 160 с. — (Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт).

ISBN 978-5-17-098624-8

Вроде бы совсем обычный Новый год, который люди так часто отмечают в теплом семейном кругу, вдруг превратился для Майи в кутерьму событий и неожиданных встреч. И старт Новому году дал чужой ребенок, позвонивший в дверь ранним утром первого января, — настоящий подарок, с которым в жизнь героини пришли и новые друзья, и новая любовь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098624-8

© Вильмонт Е.Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2017

«Бенбери умер!»

Оскар Уайльд.

«Как важно быть серьезным»

— Майка, ты на Новый год опять в Питер? Тебе не надоело?

— Может, и надоело, но ты же знаешь, у меня там тетка, она одинокая, старая и мой приезд для нее — праздник, — вяло ответила Майя.

— А если для разнообразия тетка приедет к тебе в Москву?

— Ну что ты, ей тяжело, она старенькая.

— А я думала...

— Что ты думала? Очередного жениха мне нашла?

ЕВ

— Ну не то чтобы жениха, а все-таки... Просто у нас женщин в компании маловато.

— Надо же! Редкий случай! — улыбнулась Майя. — Обычно бывает наоборот.

— Ну ты же знаешь, я девушка нестандартная. Ты уже и билет купила?

— Конечно.

— Жалко. Ну ладно, вольному воля!

До этого разговора Майя не была уверена, что хочет в этом году в Питер, но, положив трубку, встала, оделась и поехала на вокзал, благо близко — пять остановок на троллейбuse.

У нее не было тетки в Питере, у нее вообще никого не было. Эту тетку она придумала, чтобы не сидеть одной в праздники и не быть обузой в компаниях. Одинокaя женщина в

компании — это проблема. Ее надо провожать, да и вообще... А так она всем говорила, что уезжает тридцатого, и не подходила к телефону, не высовывала носа из квартиры, а уезжала тридцать первого. В вагоне поезда всегда находились люди, с которыми можно было встретить праздник, выпить бокал шампанского, поговорить... А утром выйти на Московском вокзале, вдохнуть сырой, холодный питерский воздух и отправиться гулять по любимым местам дивного города, отдыхая в кафе. К вечеру она уставала так, что в поезде, везущем ее назад, в Москву, спала, как говорится, без задних ног. А утром с удовольствием возвращалась домой, в свою уютную однокомнатную квартиру, после питерской холодной бесприютности казавшуюся поистине упоительным гнездышком.

ЕВ

С Питером ее связывало многое. Ее мать была родом из Ленинграда и ездила туда каждый год. Впервые она взяла Майю с собой, когда девочке исполнилось шесть лет. Они остановились в гостинице. Не в какой-нибудь, а в знаменитой «Астории», в громадном двухкомнатном номере со старинной мебелью и просторной ванной. Все это поразило воображение маленькой девочки невиданной роскошью и ледяным холодом — в гостинице испортилось отопление, а номер был угловой, месяц — ноябрь, но одно из громадных окон было завешено портретом космонавта Николаева — город готовился к ноябрьским праздникам. Мама тогда смеялась, говорила, что теперь Андриян Николаев ее любимый мужчина, что он спасает их от окончательной гибели. Действительно, в другом номере, где жил кто-

то из маминых знакомых, было еще холоднее. В ресторане на завтрак Майя ела удивительно вкусную штуку — гурьевскую кашу. Ее подавали в металлической раскаленной сковородке. Под румяной корочкой были сухофрукты и манная каша. А за соседним столиком завтракал пожилой иностранец. Он сидел в пальто — впрочем, все посетители были в пальто — и ел яйца всмятку. Казалось бы, подумаешь невидаль — яйца всмятку! Но как он это делал! Ножичком срезал верхушку яйца одним движением, просто сносил ее, потом солил яйцо и мазал горчицей! Майя много раз пробовала так срезать верхушку, но у нее ничего не получалось. Прошло тридцать лет, а она помнит этого иностранца, кажется, он был англичанин. Мама, кстати, тоже пробовала так обращаться с яйцом и у нее тоже

ЕВ

ничего не получилось, зато она стала есть яйца с горчицей. Еще с той поездки Майя запомнила чудный спектакль в Большом драматическом театре, веселую грузинскую комедию «Ханума». Ах, как они с мамой смеялись тогда, как пели куплеты оттуда: «Над рекой стоит гора, под горой течет Кура!» Теперь у Майи есть видеозапись этого спектакля и в минуты хандры она ставит эту кассету... А еще она отчетливо помнит, как шла с мамой по Невскому и вдруг они встретили какого-то мужчину, маминого знакомого. Они с мамой обрадовались, расцеловались и начали говорить как-то странно — хоть и по-русски, но Майя почти ничего не понимала, и ей стало почему-то страшно, тревожно и она заплакала, а мама рассердилась на нее... После смерти мамы, разбирая ее архив, Майя нашла

несколько фотографий того мужчины и письма от него. Он был маминой любовью...

И она свою любовь встретила в Ленинграде и там же вышла замуж и была безумно счастлива... полгода, а потом счастья уже не было, была просто жизнь. Через пять лет он ушел от нее, и она вздохнула с облегчением. Без него ей лучше дышалось. И вернулась в Москву, в трехкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей. Устроилась на хорошую работу и начала новую жизнь — одинокой женщины — от которой страдала только в праздники. А когда фирма прогорела и работы не стало, она продала большую квартиру, купила однокомнатную, благодаря чему выжила в тот год, что сидела без работы. Он запомнился ей тем, что она почти все время проводила, лежа на диване с

ЕВ

книгой. Перечитала все собрание сочинений Бальзака, а потом школьная подруга Инна создала свое рекламное агентство и пригласила Майю с ее филологическим образованием к себе.

— Реклама должна быть грамотной! Вот ты за этим и будешь следить. А то: «Кофе Чибо. Давать самое лучшее!» — это что? Это на каком языке? Я не переживу, если такое выйдет из моего агентства, — говорила она, убеждая Майю взяться за эту работу.

— Но зачем я тебе? Ты и сама грамотная! — удивлялась Майя.

— Ага, но это с утра! А к вечеру у меня в голове уже все путается! И потом, у меня образование техническое, и я не могу аргументированно объяснить этим козлам-рекламодателям, что говорить надо жалюзи́, а не жа́люзи! А мы над твоим рабочим

местом повесим красный диплом филфака!

Диплом на стенку вешать не стали, но иной раз Майе удавалось при помощи специальной терминологии и чувства юмора запудрить мозги малограмотным заказчикам, к тому же сама изысканно-интеллигентная внешность и манеры этой женщины, не очень вязавшиеся с обстановкой и стилем рекламного агентства, действовали умиротворяюще. Правда, не всегда. Один непробиваемый идиот-заказчик, послушав ее доводы, вдруг стукнул кулаком по столу:

— Хватит мне мѳзги компостиловать, цаца сыровяленая!

— Почему сыровяленая? — опешила Майя.

— Свежезамороженная тебе больше нравится? — рявкнул он и ушел, хлопнув дверью.

Она ужасно расстроилась. Еще бы, упустила клиента. Но Инна ее успокоила:

— Не расстраивайся! Придет, куда он денется! У нас дешевле...

Он и в самом деле вернулся, но занималась им сама Инна. Тут филология была бессильна.

— Простите, на завтра билеты до Питера есть?

— На какой поезд?

— Хорошо бы на «Стрелу».

— Пожалуйста. Завтра мало кому охота в поезде трястись, — улыбнулась кассирша. — Праздник все ж таки. Будете брать?

— Да. — Майя уже открыла сумку, достала кошелек, но что-то вдруг словно ударило ее в грудь, заболело сердце. — Извините, а если завтра прийти? Я забыла деньги.

— Ничего, и завтра билеты будут, не волнуйтесь. — Кассирша заметила, что женщина вдруг побледнела и губы задрожали. — Не волнуйтесь, — повторила она.

— Спасибо вам.

Дура, сказала Майя сама себе, какая же я дура! Неужто мне мало? Хватит жить жизнью оскаруайльдовского Альджернона. Тетка в Питере — это мой Бенбери. Надо объявить всем подругам, что Бенбери, то бишь тетушка, — умер. То, что неимоверным усилием воли она загнала куда-то далеко-далеко, то, от чего ей все-таки удалось отчасти освободиться, сейчас, у кассы Ленинградского вокзала, вдруг ожило с невероятной остротой, и боль стала почти непереносимой.

Это произошло ровно год назад здесь же, у кассы Ленинградского

